

ЭТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТВОРЧЕСТВА Э.В.ИЛЬЕНКОВА

- I. Биосоциальная Полемика.
- II. Биогенез: Функция и Орган.
- III. Антифатализм Э.В.Ильенкова.
- IV. Разум как Атрибут Субстанции.

I.

Трудно назвать такую работу Э.В.Ильенкова, где не велась бы полемика с физиологическим редукционизмом в психологии. Как известно, Э.В.Ильенков настаивал на приоритете социальных факторов формирования психики над чисто биологическими, на том, что и биологические факторы преобразуются социальными и имеют смысл и значение только в контексте социальной обусловленности всего человеческого в человеке. Э.В.Ильенков широко пользовался термином "Человеческая жизнедеятельность", отличая её от физиологической жизнедеятельности. Критерий различения - тот, что человеческая жизнедеятельность - это деятельность личности в течение всей её жизни. а физиологическая жизнедеятельность - это функционирование не личности, но организма.

С одной стороны, личность НЕ тождественна человеческому организму, "телесной организации", как называли тело Маркс и Энгельс. Личность, - настаивает Э.В.Ильенков, - "орган" куда более сложного и масштабного "организма", а именно - "рода человеческого". Как такой "орган" личность не подлежит "социализации" по той простой причине, что она с самого начала и до конца, "на все сто процентов" социальна. Сущность личности Э.В.Ильенков усматривал в том же самом, в чём К.Маркс в своих знаменитых "тезисах о Фейербахе" усматривал сущность человека (человечества). А именно, по Марксу, "...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений". Обратим внимание на оговорку - "в своей действительности". Это значит не просто "на самом деле" или "реально", а куда глубже: сущность человека "есть совокупность всех общественных отношений" в том, как она проявляет себя, в том, как она действует. "Действительность", как заметил С.Л.Рубинштейн, - от слова "действовать". С сущностью человека мы имеем дело только тогда, когда он действует, а никак не бездействует. Когда он по-человечески деятелен.

В работе "Что же такое личность?" Э.В.Ильенков уточняет русский перевод марксова тезиса: "В оригинале сказано ещё выразительнее - АНСАМБЛЬ, то есть не механическая сумма одинаковых единиц, а представленное в единстве многообразие

всех социальных отношений". Такое уточнение перевода марксова тезиса вплотную подводит нас к любимому ильенковскому сравнению "рода человеческого" с "организмом". Это организм, сложнейшая система, целостность, в которую каждому индивиду надо ещё включиться, и лишь включаясь, более менее включившись, он становится не просто индивидом, а личностью постольку, поскольку - включился и продолжает включаться, поскольку становится "органом" всего человечества как "организма" или, может быть, сверхорганизма. Весь же этот сверхорганизм можно рассматривать как космическую (ни больше ни меньше) сверхличность. И если сущность этой сверхличности, то, что её таковой делает, - "ансамбль всех общественных отношений" внутри и вне её (вне, потому что имеются в виду так же и отношения всего человечества со всем остальным мирозданием, в конечном счёте - с Космосом), - то сущность каждой отдельной личности как органа этой сверхличности - тот же "ансамбль всех общественных отношений", только "ансамбль", в центре которого - именно данная личность. Сущность моей личности - "ансамбль всех" МОИХ "общественных отношений", в конечном счёте со всем человечеством, а потому в конечном счёте ТОТ ЖЕ САМЫЙ "ансамбль всех общественных отношений", который составляет и сущность человечества как сверхличности. Но на каждого из нас этот "ансамбль" замкнут по-особому, не так, как на любого другого человека, и этим обусловлена индивидуальная неповторимость каждого из нас. Поэтому предельно краткое и общее определение, которое даёт Э.В.Ильенков личности, так и звучит - "человеческая индивидуальность". Именно человеческая, общественная, родовая, а не физиологическая или биологически-видовая.

С другой стороны, личность так-таки совпадает, диалектически отождествляется с нашим организмом, с нашим телом, как мы можем прочесть в конце той же работы "Что же такое личность". Потому что свою человеческую, социальную сущность личность может реализовать только благодаря телу, через тело, она, как личность, может действовать только как тело. Э.В.Ильенков иллюстрирует такое диалектическое отождествление тела и личности, опираясь на произведения Гоголя и Бальзака. ""Человеческая Комедия" и "Мертвые Души" показали, - пишет Э.В.Ильенков, - что в Гобсеке и Плюшкине нет ровно ничего загадочного и мистического. Их психология была художественно точно объяснена именно потому, что это объяснение производилось как тщательный анализ тех ФАКТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ между индивидами, того "ансамбля" их взаимоотношений, которые с необходимостью рожают и стимулируют личность совершенно определённого типа, формируя даже внешний облик, даже "сухопарые, как у оленя, ноги", на

которых ростовщик весь день бегаёт по Парижу".

Проблема диалектического тождества и различия личности и её тела решается Э.В.Ильенковым, таким образом, очень своеобразно, насквозь диалектично. Если мы согласны, что сущность личности, как и сущность рода человеческого - "ансамбль всех общественных отношений", то отсюда следует с железной необходимостью, что это от начала до конца социальная сущность; и личность, внутри этого "ансамбля" возникающая, вне этого "ансамбля" невозможная, - личность от начала до конца социальна при всей своей биологической телесности, более того, личность - социальна БЛАГОДАРЯ этой телесности, через которую она себя реализует именно как "полномочный член и представитель рода человеческого", именно как личность. Как "родовое существо", если воспользоваться термином Маркса. Личность, как член "ансамбля всех общественных отношений", - "родовое существо"; но организм, в этот "ансамбль" почему-то не включившийся или выпавший из него напрочь, так или иначе от этого ансамбля изолированный, - такой организм никак не личность, а такое же "видовое существо", как и любое животное или растение. Всё дело в том, таким образом, рассматриваем ли мы данное тело изолированно, "само по себе", или вместе с "ансамблем всех общественных отношений", внутри этого "ансамбля". В первом случае мы имеем дело с видовым существом, а во втором - с родовым, хотя "существо" в обоих случаях может быть одно и то же.

II.

Если читать Э.В.Ильенкова в контексте полемики о соотношении биологического и социального в человеке, то можно здорово запутаться в его аргументации. С одной стороны, бескомпромиссное настаивание на стопроцентной социальности природы (сущности) человечества и личности, всего человеческого. А с другой стороны, например, столь же бескомпромиссная солидарность с В.И.Лениным, когда тот "пристаёт" к махистам с вопросом вроде следующего: возможно ли психическое без физического? Можно ли мыслить без мозга? Отрицательный ответ на этот вопрос подразумевается сам собой (об этом у Э.В.Ильенкова в книге "Ленинская Диалектика и Метафизика Позитивизма").

А в "Диалектической Логике" Э.В.Ильенков, вновь и вновь возвращаясь к полемике с теми, кто на вопрос о природе мышления ищет ответа в морфо-физиологических структурах головного мозга, растолковывает с предельно возможной остротой и наглядностью, что тут путаются два совершенно разных вопроса. Вас спрашивают совсем не про это, -

обращается он к своим оппонентам. - Спрашивают не о том, как устроены ноги, способные ходить, а о том, что такое ходьба? Что такое мышление, - а не как устроен головной мозг, без которого, бесспорно, мышление невозможно.

Это выводит спор в куда более широкий контекст, нежели только соотношение биологического и социального у человека. И этот более широкий контекст, как ни странно, - чисто... биологический. Соотношение биологического и социального у человека оказывается простым сужением такой гигантской биологической проблемы, как соотношение органа и его функции. Что первично? "Кто кого формирует"?

Ласты - орган плавания. Из палеонтологии известно, что когда-то ластоногие жили на суше, и ласты были лапами. В борьбе за выживание перебравшись от какой-то смертельной опасности в воду, вынужденные плавать, животные вынуждены были приспособиться к водной среде обитания, и бывшие лапы преобразовались в ласты. Водная ли стихия, предполагающая выполнение функции плавания, породила ласты, или, может быть, сначала появились ласты, а потом уже функция плавания?

Среда обитания предъявляет живому существу ультиматум: или погибнуть, или приспособиться. В ходе приспособления возникают органы, позволяющие существовать именно в данной среде обитания. Жабры превращаются в лёгкие, лапы - в ласты. Функция органа имплицитно содержится в среде обитания, задаётся ею. У человека роль такой "среды обитания" выполняет прежде всего "ансамбль всех общественных отношений", который и создаёт человека как родовое существо (как видовое существо он создаётся физической, а не социальной средой обитания). В том-то всё и дело, что у человека две среды обитания - физическая и социальная, видовая и родовая. И одну с другой не стоит путать, как не стоит путать и порождения, результаты формирующего действия той и другой - биологическую особь и личность. Как животное человек, разумеется, - видовое, биологическое существо; но как именно человек - родовое, то есть, настаивает Э.В.Ильенков, на все сто процентов социальное. И поэтому личность нелепо "социализировать" точно так же, как нелепо "металлизировать" какой-нибудь металл. Хотя руда "металлизации" подлежит (В.И.Вернадский подчёркивает, что металлы вообще в чистом виде в природе не встречаются, они созданы человеческой производственной деятельностью). Тело и выступает в качестве своеобразной "руды", подлежащей "социализации", или, что то же самое, "антропоморфизации", а по-русски - очеловечиванию. Это очеловечивание тела начинается с момента его включения в "ансамбль всех общественных отношений", и диалектика этого процесса качественно осложняется тем обстоятельством, тем ФАКТОМ, что

по существу в "ансамбль всех общественных отношений" каждый из нас включён с самого начала, задолго до физического появления на свет, ещё в утробе матери. К тому же социальная среда обитания предъявляет не менее жёсткие требования, чем физическая - к любому организму: либо приспособиться, либо погибнуть; либо состояться в качестве родового, а не только видового существа, в качестве личности, - либо не состояться.

Однако не всякая включённость в "ансамбль всех общественных отношений" обеспечивает личностное, родовое качество. Включение бывает разным, - то ли активным, то ли пассивным. Одно дело - самому включаться, быть субъектом включения, и совсем другое - быть всего лишь объектом его. Объектами включения в "ансамбль всех общественных отношений" являются ведь и домашние животные, и культурные растения, и та же руда. Поэтому личностное качество даёт лишь тот вариант включения в "ансамбль всех общественных отношений", который можно назвать процессом самоочеловечивания.

Я называю это саморазвитием, и различаю стихийное и сознательное саморазвитие. Стихийно саморазвиваться вынужден каждый из нас с момента рождения, а до сознательного уровня саморазвития, до сознательного самоочеловечивания дорастает далеко не каждый. И вслед за Э.В.Ильенковым я озабочен тем, как бы так сделать, чтобы до уровня сознательного саморазвития прямо-таки вынужден был дорастать "каждый живой человек". Формулировкой именно этой проблемы заканчивает Э.В.Ильенков свою работу "Что же такое личность?": "Вот и надо заботиться о том, чтобы построить такую систему взаимоотношений между людьми (реальных, социальных взаимоотношений), которая позволит превратить КАЖДОГО ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА В ЛИЧНОСТЬ".

III.

Речь идёт, таким образом, о переустройстве социальной среды обитания, о переустройстве "ансамбля всех общественных отношений". И то новое слово, которое сказал Э.В.Ильенков в марксизме, заключается в том, что Э.В.Ильенков настойчиво обращает наше внимание на индивидуальное переустройство и просто устройство социальной среды обитания каждого из нас в отдельности, подчёркивает значимость именно такого - психолого-педагогического - переустройства и изначального устройства, а не только глобального, - общеисторического. Значимость последнего аспекта ничуть не снижается, в необходимости глобального переустройства нет ни малейших сомнений, но подчёркивается, что упускать из виду психолого-педагогический аспект переустройства никак не

приходится, что без психолого-педагогического переустройства и изначального устройства социальной среды глобальное, общеисторическое переустройство едва ли осуществимо. Не сначала "материально-техническая база", а потом на этой базе соответствующая личность, - такой подход попросту антидиалектичен, вульгарен, - но **ОДНОВРЕМЕННО** и то и другое, и общеисторические условия, и личность, которая входит в эти общеисторические условия как едва ли не главное, решающее из них всех. Тут, как остроумно замечает Э.В.Ильенков в "диалектической Логике", "за одним" (зайцем) "погонишься - ни одного не поймаешь". И весь ход истории после смерти Эвальда Васильевича убедительно показывает, что мы и не поймали - ни в СССР, ни в "социалистическом лагере" в целом.

Вот почему я давно уже осознал и при каждом случае подчёркиваю, что какое бы место ни занимала в литературном наследии Э.В.Ильенкова та или иная философская проблема, - центром, стержнем теоретического творчества Э.В.Ильенкова является именно проблематика становления личности, и прежде всего именно психолого-педагогический аспект этой проблематики. Это не одна из нескольких "сфер" теоретического творчества мыслителя, а центральная, главная "сфера".

И именно здесь прорывается на поверхность, с особой очевидностью обнаруживается та, глубоко скрытая чисто научной аргументацией, этическая обусловленность всего ильенковского творчества, которая и является темой данной работы. Именно ради обоснования того, что я в своих публикациях, посвящённых 70-летию Э.В.Ильенкова и А.И.Мещерякова, назвал "психолого-педагогическим оптимизмом", - именно ради обоснования этого оптимизма ломаются копыя в бесконечной "биосоциальной" полемике. Ради обоснования тезиса, что каждый человек может и должен быть гармонично, а не как придётся, развитой личностью.

А тогда нужно прежде всего доказать, что решающее в становлении личности зависит от самой личности и окружающих её людей, а не от наследственной запрограммированности и какой бы то ни было иной жёсткой обусловленности развития. В факте отчуждения современной личности от самой себя, от собственной родовой сущности, нет ничего фатального. Отчуждение налицо, но это - исторически обусловленное и исторически преходящее явление; в конечном счёте отчуждение может и должно быть преодолено в результате такого переустройства родовой сущности человечества, то есть "ансамбля всех общественных отношений", которое создало бы социальную среду, вынуждающую каждого живого человека становиться личностью, и не какой придётся, а талантливой, нормальной (Э.В.Ильенков подробно обосновывает тезис о

совпадении нормальности с талантливостью; нынешний "средний", статистически преобладающий, тип личности он считает не нормальным, а отчуждённым и, естественно, вследствие своей отчуждённости - ущербным).

Интересно, что к такому же антифатализму приходит и В.Франкл, который подробно обосновывает ошеломляющий тезис, что человек вообще заслуживает звания человека, становится именно человеком только тогда, когда освобождается от каких бы то ни было жёстких предопределённостей, обусловленностей своего бытия, - когда противопоставляет этим жёстким обусловленностям свой сознательный выбор, свой активно, прежде всего им самим, формируемый образ жизни. Быть игрушкой среды, влечений и наследственности (именно такие три вида обусловленности бытия выделяет В.Франкл) - это удел животных. Достойный человека удел - противопоставить этим трём видам жёсткой обусловленности бытия свою сознательную волю, самому решить, кем и каким быть, и реализовать принятое решение. Иными словами - найти и реализовать смысл жизни.

Думаю, что антифаталистический пафос В. Франкла очень близок пафосу основных идей Э.В.Ильенкова, в том числе психолого-педагогических идей.

Мы должны сами отвечать за себя таких, каковы мы суть. Мы должны сами себя делать и сделать - при поддержке одних людей, вопреки другим людям, вопреки даже самым экстремальным обстоятельствам типа слепоглухоты, детского церебрального паралича или гитлеровского концлагеря (в который В.Франкл был заключён и в котором пришёл к стержневой идее своей концепции человеческой свободы). Только мы сами ответственны за то, проявляем ли мы себя в экстремальных ситуациях по-свински - или по-человечески. Скоты мы в этих обстоятельствах - или святые. Так формулирует имеющийся у каждого из нас выбор В.Франкл, и я уверен, что под такой формулировкой Э.В.Ильенков подписался бы с энтузиазмом, при всём своём несогласии с идеалистическим и откровенно религиозным контекстом размышлений В.Франкла.

Вот от этого - от ответственности за самих себя - ничто не может и не должно нас "освободить". Нашей безответственности нет и не может быть никакого оправдания. А любой фатализм как раз и является таким оправданием. Любой фатализм апологетичен по глубочайшей своей сути. И любая форма фашизма опирается на фаталистическую идеологию, чтобы снять с людей ответственность за самих себя, переложить её на плечи вождя, а им предоставить "свободу" от всего человеческого в них - "свободу свинства". Всякий антифашизм, в какой бы общий мировоззренческий контекст он ни вводился,

- есть антифатализм.

В конечном счёте поэтому дело вовсе не в соотношении биологического и социального в человеке, а в том, что ссылки на "биологическое" часто служили и служат целям фатализма, целям снятия с человека ответственности за самого себя, целям оправдания всего античеловеческого, всего худшего в человеке. И все полемические стрелы Э.В.Ильенкова направлены против фатализма, против фаталистических спекуляций на чём бы то ни было, - а охотнее всего фатализм всегда спекулировал на биологическом в человеке, на том, что в нём видового, а не родового. И поэтому Э.В.Ильенков не мог стерпеть, когда тот или иной исследователь занимал позицию: "Ламброзо, конечно, загнул, но что-то такое тут есть...". Антифашист, участник Великой Отечественной Войны сразу чувял врага, сразу бросался на теоретический штурм вражеских укреплений, чем бы и как бы тщательно они ни маскировались.

И поэтому с таким энтузиазмом Э.В.Ильенков поднял на щит успехи работы И.А.Соколянского и своего друга А.И.Мещерякова со слепоглухонемыми детьми. Если даже в таких кошмарных условиях, как слепоглухота, возможна личность без всяких скидок, не ущербная, а подлинно талантливая, нормальная, - то какому бы то ни было фатализму в важнейшей сфере становления личности не остаётся места. Пусть случаи нормального развития в ситуации слепоглухоты пока единичны. Любое нормально развитое единичное - есть конкретно-всеобщее. Не случайно исследование диалектики конкретной всеобщности - одна из сквозных линий всего теоретического творчества Э.В.Ильенкова. Это тоже этически обусловлено - обусловлено тем, что, чем бы ни занимался, Э.В.Ильенков был прежде всего антифашистом, то есть антифаталистом.

IV.

Глубочайшая сущность антифашистского движения в целом, при всей его мировоззренческой противоречивости - это борьба за подлинно человеческое будущее человечества, за будущее человечества как разумной формы жизни. Отсюда самый широкий, поистине космический контекст ильенковского теоретического творчества - ильенковский спинозизм.

Не случайно в одной из первых же своих работ, опубликованной посмертно, - в "Космологии Духа", - Э.В.Ильенков задумывается о космической миссии Мыслящего Духа как атрибута, неременнейшего свойства субстанции, то есть Вселенной, всего необъятного Космоса. Каково место разумной формы жизни во Вселенной, если никакие случайности вроде самоуничтожения не помешают ей занять это место? В чём

заключается атрибутивность разума? и что такое разум?

В "Диалектической Логике" Э.В.Ильенков осовременивает Спинозовскую дефиницию мышления: это способность мыслящего тела действовать по логике любого другого тела. Действовать по логике - значит с учётом этой логики, коль скоро она познана, подчиняясь этой познанной логике, преобразовывать мир и себя в соответствии со своими разумными целями. Отсюда и ильенковская концепция идеального как очеловеченного, преобразованного и непрерывно преобразуемого в соответствии с идеей, замыслом преобразователя - материального. Противоположность идеального и материального возникает только в деятельности мыслящей формы жизни. Поэтому точнее говорить не о материи, а о материале, предмете преобразующей (а не коверкающей) деятельности мыслящих существ. И мы, в сущности, приходим к формулировке, что мышление - это не что иное, как сам процесс преобразования мыслящей формой жизни всего мира и себя самой в этом мире. Это решающий фактор вечного саморазвития и самосохранения мира - не той или иной планеты, а Космоса. Ибо в конечном счёте материалом (предметом) преобразовательной деятельности неизбежно становится именно Космос.

В "диалектической Логике" Э.В.Ильенков задаётся вопросом, в какой системе с необходимостью возникает мышление. При этом он предельно афористично, буквально в двух коротких абзацах, подытоживает всю историю философии - по меньшей мере, западноевропейской философии нового времени.

Мыслит не мозг, а человек с помощью мозга. Изъятый из тела человека, мозг способен мыслить так же мало, как телеграфный столб. Но и человек сам по себе, взятый изолированно, способен мыслить ничуть не больше. Надо, чтобы человек был в неразрывном единстве со всей остальной природой, с Космосом. Здесь Фейербах и останавливается (и Спиноза тоже - Э.В.Ильенков замечает, что оба эти мыслителя очень близки друг другу).

Но и этого мало, - добавил Маркс. Человек способен мыслить только как родовое - социальное существо, только в "ансамбле всех общественных отношений", и опосредствованно через этот "ансамбль" - в единстве со всей остальной природой.

Так - чисто философски - обосновывается тезис, к которому В.И.Вернадский приходит как естествоиспытатель, констатируя в статье "Несколько слов о Ноосфере" непреложный факт планетарного, а в ближайшей перспективе космического, масштаба человеческой деятельности.

Но если в конце концов материалом, предметом мышления, как активного преобразовательного процесса, должен стать

весь Космос, то отсюда с железной необходимостью следует вывод об ответственности мыслящей формы жизни за существование всего Космоса и себя в Космосе. Уже этого, пожалуй, достаточно для обоснования мысли Спинозы о мышлении как атрибуте субстанции - Космоса.

Поразительно, что в самом начале своего творчества, в "Космологии Духа", Э.В.Ильенков приходит к гипотезе, которой можно было бы достойно увенчать творческий путь. И эта гипотеза имплицитно подразумевается во всех более поздних работах Э.В.Ильенкова.

Дело в том, что каждая данная мыслящая форма жизни - не вечна. Она когда-то возникает, и когда-то должна прекратить своё существование. А субстанция - Вселенная - вечна. Как же тут быть с атрибутивностью мышления?

Оно берет на себя ответственность не только за существование Космоса как своего предмета, материала преобразования, но и за своё существование в Космосе, за вечное своё воспроизводство в той или иной точке вечной и бесконечной Вселенной. Очередная вспышка разума, очередное возникновение мыслящей формы жизни обусловлено всей историей существования, всей деятельностью предшествующей мыслящей формы жизни. К этому, в сущности, сводится гипотеза, изложенная в "Космологии Духа". К "картинке", изображающей это гипотетическое самовоспроизводство Мыслящего Духа, сам автор "Космологии Духа" относится весьма осторожно. Эта "картинка" обусловлена состоянием естествознания к моменту создания "Космологии Духа", насколько это состояние было известно Э.В.Ильенкову. А именно, Э.В.Ильенков исходил из гипотезы Френкеля о гигантском взрыве, из которого десять - пятнадцать миллиардов лет назад возникла наша Вселенная. Э.В.Ильенков предполагает, что этот взрыв был произведён предшествующим нашему Мыслящим Духом. И обосновывает своё предположение эмпирическим фактом, что самопроизвольное рассеивание энергии в неразумной Вселенной налицо, а вот концентрация энергии, всё более мощной, наблюдается только в деятельности мыслящей формы жизни.

Так или не так это всё было и будет - неважно. Важен общий вывод: атрибутивность мышления заключается, во-первых, в самой природе мышления как преобразовательного процесса, материалом, предметом которому служит в конечном счёте весь Космос. И во-вторых, если мышление действительно атрибут субстанции, её вечное и бесконечное свойство, то оно должно само заботиться о постоянном, пусть периодическом, воспроизводстве в Космосе своих конечных во времени и пространстве модусов - отдельных мыслящих форм жизни. И в каждой такой мыслящей форме жизни воплощаться во всей своей атрибутивности. Получается, таким образом, диалектическое

отождествление модуса и атрибута.

Если же допустить отдельное существование модуса и атрибута мышления, то заботу о существовании Космоса и Разума в нём, ответственность за Космос и за самовоспроизводство мыслящих форм жизни в Космосе, неизбежно придётся перепоручить кому-то другому.

16 - 17 февраля 1996